

Яковлева Елена Людвиговна

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КАЛОКАГАТИЙНОЙ УСТАНОВКИ В МИФОТВОРЧЕСТВЕ

Статья раскрывает проблему калокагатийной установки в мифическом творчестве, связанной с проявлением красоты и блага. Миф рассматривается с точки зрения его структурно-смысловой специфики в трех направлениях - как форма мысли, созерцания и жизни. Помимо этого особо выделяется этический компонент, который приобретает все большую актуальность в современности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 213-218. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

ее развитие. Переход от антагонистической антитезы к антитезе-дополнению, антитезе равновесия знаменует сознательное движение современного искусства к синтезу, к синтетически-диалогической парадигме, к идее универсального диалога как фундаменту «социальной архитектуры» в культуре Новейшего времени. И это можно рассматривать как важнейший урок, преподанный музыкой нашему современнику.

Список литературы

1. **Ануфриева Н. И.** Развитие познавательной активности учащихся в музыкальном образовании: учебное пособие. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2006. 107 с.
2. **Жуков В. И.** Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. М.: Изд-во РГСУ, 2007. Т. I. 556 с.
3. **Иванов С. П.** Психология художественного действия субъекта. М.-Воронеж: Изд-во МПСИ; Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. 640 с.
4. **Орлов Г.** Древо музыки. СПб.: Композитор, 2005. 440 с.
5. **Пахтер М., Лэндри Ч.** Культура на перепутье. М.: Классика-XXI, 2003. 96 с.
6. **Славина Е. В.** Творчество Скрябина как эстетико-философский проект «русского культурного ренессанса» начала XX века: монография. М.: РГСУ, 2010. 173 с.
7. **Холопова В. Н.** Музыка как вид искусства: учебное пособие. СПб.: Лань, 2000. 320 с.
8. **Цуккерман В. А.** Целостный анализ музыкальных произведений и их методика // Интонация и музыкальный образ. М.: Музыка, 1965. С. 264-320.

**ESSENTIAL EXISTENCE CHARACTERISTICS COMPREHENSION
IN THE MUSICAL SPACE OF MODERN TIME CULTURE**

Anna Iosifovna Shcherbakova, Doctor in Pedagogy, Professor
Department of Sociology and Culture Philosophy
Russian State Social University
pianorus@mail.ru

The article considers the role and place of music in comprehending essential existence characteristics in modern culture space. The author analyzes the processes taking place in musical art of modern time, reveals the logics of the transformations influencing the spiritual-creative formation of an active subject, substantiates the role of artistic-creative activity as the factor of a personality's self-development and its self-determination in the system "human being - world".

Key words and phrases: activity subject; musical culture of modern time; music as culture integral symbol; music in a person's cognition and self-cognition; synthesis idea; universal dialogue.

УДК 008:291.13

Статья раскрывает проблему калокагатийной установки в мифическом творчестве, связанной с проявлением красоты и блага. Миф рассматривается с точки зрения его структурно-смысловой специфики в трех направлениях - как форма мысли, созерцания и жизни. Помимо этого особо выделяется этический компонент, который приобретает все большую актуальность в современности.

Ключевые слова и фразы: калокагатия; красота; благо; ценность; мораль; калокагатийная установка; этико-эстетическое; миф; эталон; тотемизм; сакральное; профанное; манна; культ героев.

Елена Людвиговна Яковлева, кандидат культурологии, доцент
Кафедра философии
Институт экономики, управления и права (г. Казань)
mifoigra@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЯВЛЕНИЯ КАЛОКАГАТИЙНОЙ УСТАНОВКИ В МИФОТВОРЧЕСТВЕ®

Термин «калокагатия» впервые появляется и разрабатывается в античной философии и культуре [4]. Впоследствии калокагатия напоминала о себе во множестве культурных проявлений, но, как правило, о ней явно не говорили, а вуалировали проблему. Красота и благо, составляющие основу калокагатии, выступают как ценности, а ценностный подход в культуре считается одним из важнейших. Об этом писал неокантианец Г. Риккерт: «Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком ценности, ради которой эти явления им созданы или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком» [6, с. 53]. Впоследствии этот подход получил дальнейшее развитие, и его можно обнаружить в трудах С. С. Аверинцева, А. Я. Гуревича, О. Г. Дробницкого, Г. С. Кнабе, Г. Померанца, Л. Н. Столовича, Н. З. Чавчавадзе и других [2; 7].

В различных культурах, у разных людей встречаются отличные друг от друга системы ценностей, связанные с моральными принципами и эстетическими идеалами. Они могут иметь, в зависимости от

парадигмальной установки эпохи, светскую или религиозную направленность, воплощать государственные, социальные или индивидуальные святыни. Ценности могут принимать различные формы, существуя в виде материальных предметов (фетиши, реликвии); высших идей (например, бог, научная истина, высокие технологии, гуманизм); исторических событий (священная война). Несмотря на разнообразие ценностей, в них обнаруживает себя один общий момент: их субъективно воспринимают как абсолютно значимые, имеющие сакральное значение. Само существование, без фанатических перегибов, подобных святынь в сознании общества или личности можно считать признаком духовного и морального здоровья.

В связи со всем вышеизложенным, попытаемся выявить наличие калокагатийной установки в мифе и то, каким образом она в нем проявляется себя.

Мифы зародились и начали активно функционировать как способ организации жизни, особенно духовной, стали важнейшим источником формирования эстетических воззрений и нравственности. Мифы дают знание о высших ценностях и смыслах, обеспечивают высокую духовную жизнь и духовное спасение личности. Но недостаточно только знать, нужно жить этим знанием, его предписаниями и идеологиями, его необходимо воспроизводить, демонстрировать, показывать (например, в образе жизни, обрядах и ритуалах). В мифах утверждается, что внутренним духовным ценностным смыслом и стержнем жизни личности должна стать мысль о собственном совершенствовании и нравственной ответственности, предполагающей достойной похвалы выбор. Человек с помощью мифов должен взрастить величие своей души как «некий космос добродетелей» (Аристотель). Именно это выводит мифологическую структуру на калокагатию, сближающую прекрасное и благое.

Жизнь калокагатийного человека (по Сократу, «прекрасного и хорошего») должна быть пронизана высокой идейностью, а сам он обладать такими качествами, как сила, бодрость духа, красота, здоровье, веселье. Это своеобразный идеал: одновременно герой-борец и художник-творец, соблюдающий во всем меру, покорный судьбе, создающий свой облик и верящий в собственное великое будущее. Такими характеристиками обладают боги и герои мифов, на чью жизнь ориентируется простой обыватель, потому что облик мифологического героя - это эталон. При этом мысль о калокагатию нисходит на простого человека от богов. Например, идеи калокагатию появляются у богов, создающих народ киче: «Они были хорошими и красивыми людьми... Они были наделены пронизательностью; они видели, и их взгляд тотчас же достигал своей цели. Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли. Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир, не делая (даже) попытки двигаться; и они видели его с того места, где они находились. Велика была мудрость их... Таким образом были сотворены и созданы наши праотцы, наши отцы Сердцем небес, Сердцем земли» («Пополь-Вух»).

Следуя этико-эстетической (калокагатийной) модели мифа, каждый воспринимающий его стремился к совершенству, гармонической цельности. В целом калокагатию, проявляющая себя в качестве одной из ключевых установок мифа, есть особый уклад и благоустройство человеческой жизни посредством гармонии красоты и нравственности (по Платону, «гармонии и соразмерности души и тела»). Калокагатийный пафос проявляет себя на всех уровнях мифа, бытие которого многослойно, многосложно. Миф существует в нескончаемом многообразии конкретных текстовых проявлений (онтологический уровень) и его ритуальных воплощениях (эмпирический уровень), в сознании и переживаниях субъекта, коммуникации, интеллектуальной деятельности (на экзистенциальном, коммуникативном и гносеологическом уровнях).

Миф предполагает наличие границ, и в качестве таковых можно назвать сферу морали, контролирующую тотальность и вездесущность мифа, особенно в современности. Мораль, если вспомнить немецкую классическую философию, есть объективное, субстанциальное, внеличностное начало человеческой жизни, принцип воли, существующий *a priori*. Именно мораль выступает как основа субъективно-рефлексивных ориентации человека в бытии. Для Гегеля, например, нравственность есть «субстанция, знающая себя свободной, в которой абсолютное долженствование есть в такой же мере и бытие...» [1, с. 339]. Основу морали составляет долженствование, предписывающее одновременно моральное отношение, моральное действие и моральное переживание, что является внутренним регулятивом мировосприятия субъекта. Источником его можно назвать и моральные требования, предъявляемые конкретным социумом, культурой, и всеобщий «категорический императив», который выступает согласно И. Канту как практический закон, и божественную волю. Мораль созидает человеческую коммуникацию, определяет основные законы жизни сообщества. На протяжении всей истории человечества мораль выступает стабилизирующим и даже структурирующим началом любого социума: в каких бы формах она ни воплощалась, какие бы принципы ни утверждала (например, принцип кровной мести или всеобщего прощения), неизменным остается факт ее существования. Человеческое сообщество нельзя представить без морали. Само становление личности происходит, не в последнюю очередь, посредством усвоения принципов нравственности и формирования его как *Homo Moralis*. Не стоит забывать, что человек заявляет о себе еще и как существо, играющее символами. В силу этого обстоятельства огромное количество символов нагружено моральным содержанием и воплощает высшие духовные ориентиры, несущие в себе калокагатийную установку (например, правда, справедливость, добро, красота, гармония).

В мифе можно обнаружить довольно сложное отношение к морали. С одной стороны, миф не заменяет собой мораль, хотя и оформляется подобно ей, через совокупность правил, ограничений и принципов, которые необходимо соблюдать и следовать им. Й. Хейзинга справедливо полагал, что моральность мифа связана с пространственно-временной замкнутостью и структурной упорядоченностью. У мифа есть начало и конец, ритуал, основанный на мифе, проходит в рамках строго очерченного пространства (магический круг, место священнодействия). Внутри ритуального пространства царят правила, ограничивающие своеволие игроков, участников, а отклонение от порядка разрушает игровую стихию мифа [8]. Таким образом, табу,

существующие в рамках мифа, носят обязательный, нормативно-этический аспект. С другой стороны, само содержание мифа носит моральный характер, присущий определенному сообществу и функционирующий в нем в качестве базисного принципа (принцип отыскания истины, любви, служения богу). Созданный мифом круг ценностных калокагатийных принципов тщательно соблюдается.

На страницах трудов неокантианца Эрнста Кассирера миф рассматривается как идеальное семиотическое образование, в котором, диалектически переплетаясь, осуществляется гармония внешних и внутренних качеств, формы и содержания, эстетических и этических представлений. Само мифологическое содержание одновременно несет в себе идеи красоты и добродетели. В результате миф наделяется воспитательным потенциалом, а его бытие в виде текста и ритуала рождает идеал человека и пытается привести к нему каждого воспринимающего. Заметим, в данном случае можно утверждать, что Кассирер, не замечая того сам, поднимает проблему калокагатии, носителем которой выступает миф как символическая форма культуры. Философ постоянно обращает внимание не только на эстетическое, но и на этическое пространство любой мифореligиозной системы, не выделяя его в отдельную работу и, тем более, не пользуясь термином «калокагатия». Возможно, это связано с его взглядами на человека, согласно которым этико-эстетическая компонента жизни органично вписана в бытие человека как существа, играющего символами. Кассирер подчеркивает, что этико-эстетический мир никогда не дан: он всегда находится в становлении и развитии. Живя в окружающем мире, человек выстраивает с ним определенные отношения, и прежде всего этико-эстетические. Они всегда закрепляются в мифе: в его форме, символизме, содержании, облике богов и героев, а также ритуале. Э. Кассирер формулирует этический закон мифологического сознания: любое доброе дело и добрая мысль умножает силу духа добра.

Эстетическую красоту мифа можно обнаружить в его структуре. Согласно Эрнсту Кассиреру, миф имеет трехчастную структурно-смысловую специфику, проявляя себя в трех направлениях - как форма мысли, созерцания и жизни. Представляя миф как форму мысли, Кассирер подчеркивает, что миф характеризуется принципиальной неразличимостью истинного и кажущегося, здесь нет поисков нового и подведения под общий принцип, нет «основания» и «обоснованного». Первобытный взгляд на жизнь синтетичен: жизнь ощущается как непрерывное целое, не допускающее никаких четких различий. Внезапно любая вещь может превратиться в иную, поэтому характерной чертой мифа выступает закон метаморфоз. Человек мифической эпохи как индивид ничего собой не представляет, поэтому считается, что он живет во многом и многое живет в нем. Первобытный человек не лишен способности эмпирически различать вещи, однако он глубоко убежден во всеединстве бытия. В силу этого человек не приписывает себе уникальное и привилегированное место в природной иерархии, а для мифологического мышления характерно представление о кровном родстве всех форм жизни, что нашло отражение в тотемистических верованиях.

Тотемизм представляет универсальный принцип освоения мира, включающий в себя мировоззрение и миропонимание. Вся вселенная, а не только члены племени, сводится в группы, принадлежащие друг другу или обособленные в силу своего родства. Любое действие и воздействие человека на мир вещей определяются через призму тотемизма. Например, колдун, принадлежащий к определенной группе, в своих заклинаниях и магических обрядах может употреблять предметы, относящиеся только к этой группе: все прочие не дали бы в его руках никакого результата. В тотемизме личностное «Я» знает и ощущает себя через призму своего клана, связанного родственными узами с животным или растением. Именно в образных представлениях мифа, с одной стороны, отсутствует граница между богом, человеком и животным, что соответствует мифологическому закону метаморфоз; с другой стороны, идет становление личности с акцентом на этическое самосознание. Таким образом, прочная вера в единство жизни затмевает все те различия, которые кажутся нам несомненными и неустранимыми.

Чувство неразрывного единства жизни столь несомненно, что оно отвергает факт смерти. Поэтому в мифах появляется мотив о бессмертии души. Наиболее ярко проявляет себя желание жизни в культе предков. Например, китайцы считают, что связи семьи с мертвыми неразрывны: умершие продолжают пользоваться авторитетом и покровительствовать семье.

В мифических понятиях пространства и времени любое соприкосновение воспринимается как отношение причины и следствия («близ этого - значит вследствие этого»): например, животное, появляющееся в определенное время года, приносит его и является его причиной. Именно поэтому ласточка есть причина лета. В мифе все возникает из всего, поскольку все может в пространстве и времени соприкасаться со всем, в этом проявляет себя закон метаморфоз. Также взаимно смешаны в порядке причинности «позже» и «раньше»: мифические существа то внезапно стареют, то внезапно молодеют, принимая тот или иной новый вид. Из этого ясно, что причины и их результаты смешаны здесь до абсолютной неразличимости.

Второе структурно-смысловое направление мифа, по Э. Кассиреру, выражено в форме созерцания. Здесь ключевыми параметрами выступают пространство и время, которые тесно переплетены между собой и изначально даются «как чистая игра впечатлений», имеющих свой смысл в рамках мифологического сознания. Основной здесь является антитеза священного, сакрального, и обыкновенного, профанного.

В мифическом пространстве каждое место и направление имеет некий акцент, связанный с разделением на профанное и сакральное. Так, в самых различных культурах почитался порог храма, отделяющий божественное пространство от профанного мира. Мифическое пространство всецело зависит от заполняющих его вещей и не имеет никакого отличного от них содержания, благодаря чему самые разнородные вещи и явления становятся сходными. Яснее всего это видно на явлениях, связанных с тотемизмом. Например, классификация представлений о мире индейского племени Зуни в Нью-Мексико связана с цифрой семь. Их деревня разделена на семь частей, соответствующих семи пространственным областям - северу, западу, югу, востоку, высшему и низшему мирам и «середине» мира. К каждой из семи областей относится отдельный

клан племени, а также любое одушевленное и неодушевленное существо, вещь, процесс, элемент и определенный отрезок времени. При этом разные местности отличаются друг от друга по своему бытию, разделению труда и профессий: север и его кланы занимаются войной, запад - охотой, юг - сельским хозяйством и врачеванием, восток - магией и религией. Когда племя разбивает лагерь, ни у кого не возникает ни малейшего сомнения по поводу того, какое место должен занять в нем каждый клан и как должно происходить размещение отдельных групп по различным сторонам света. Все это точно установлено мифологической картиной мира, равносильно писанным инструкциям и законам, носящим строго обязывающий характер.

Таким образом, в мифическом пространстве любая связь основывается на идентичности; она восходит к изначальному тождеству сущности и вырисовывает общую мифическую жизненную форму. Структура мифического пространства предполагает абсолютную неоднородность, конечность и мистическую наполненность. Такими же чертами характеризуется и другая форма созерцания в мифе - время.

Миф - изначально «чувство фаз», поэтому он тончайшим образом воспринимает протекание времени и его периодичность. Мифическое сознание особо чувствует ритмику, господствующую в жизни человека. Жизненные фазы рождения и смерти, беременности и материнства, вступления в брак и т.д. приобретают здесь специфический смысл. В каждой фазе выявляется другое «Я» человека, и в целом индивидуальная жизнь выглядит как смена рождений и смертей. Границы времени наделяются сакральным характером, потому что они еще совпадают с ритуальными праздниками и религиозными действиями: время праздника как «священное время» всегда прерывает равномерное течение жизни и вводит определенные разграничительные линии.

Интересно соотношение профанного и сакрального времени в рамках мифа. В исследовании этой проблемы огромная заслуга принадлежит М. Элиаде. Он вскрыл борьбу профанного времени с сакральным, связанную со стремлением человека уйти из первого во второе. Возможно, смысл подобного состоит в желании обретения бессмертия: смерть есть только в профанном временном измерении, а в священном, где обитают бессмертные боги, человеческая душа может обрести принадлежащий ей вечный статус [9]. Неслучайно все люди так любят и ждут различные праздники, которые явно разграничивают их жизнь от будней и носят сакрализованный характер.

Третья структурно-смысловая сторона мифа - миф как форма жизни. Согласно Э. Кассиреру, миф не начинается с готового понятия личностного «Я» и с готовой картины объективного бытия, а должен в своем становлении сформировать их. Одной из ступеней формирования выступает представление о душе, которая часто мыслится как миниатюрное подобие человека (у малайцев, например, она живет внутри тела). Душа изначально есть сама жизнь, имманентная телу и привязанная к нему. Поэтому слюна человека, его отрезанные волосы, ногти продолжают оставаться носителями жизни, а всякое воздействие на них поражает и изменяет жизнь в целом. Согласно представлениям о душе граница между жизнью и смертью остается подвижной. Чувство жизни проявляется через множество фаз, с наступлением которых каждый раз умирает старое и рождается новое «Я», выделяясь из общего потока жизни магическо-мифологическими ритуалами. Все это способствует тому, что появляется идея сохранения души после смерти. Наиболее ярко эти взгляды проявляют себя в египетской мифологии, чьи пирамиды выступают символом устремлений человечества в вечность.

Благодаря представлениям о душе и собственном «Я» формируется некая высшая духовная сила, нерасчлененная сфера воздействия. В связи с этим Кассирер сформулировал подлинный исток мифа, составляющий основу его формы жизни: это - «мана», изначальное единство мифа, где тело и душа еще не различаются. Мана как форма жизни в равной степени приписывается простым вещам, отдельным лицам, одушевленному и неодушевленному. В трудах М. Элиаде это понятие трактуется как рассредоточенная мистическая сила, готовая принять любую форму жизни. Все обладающее бытием в превосходной степени включает в себе мана. Тем, что человек в жизни является хорошим воином или охотником, он обязан не только собственным силам и возможностям, но и силе, которую ему сообщает мана.

Миф, эстетически выстраиваясь как художественное произведение и наполняясь содержанием по законам красоты, несет в себе этический элемент. Подобная целостность, где обнаруживает себя игра эстетически прекрасного и этически-нравственного, усиливается символизмом. При этом калокагатийная установка подразумевает синкретичность сознания, что характерно для мифотворчества и его восприятия. Эта синкретичность не дает яркого разделения на творца и воспринимающих его произведение искусства, на объективное и субъективное, на художественное творчество и повседневную практику. Тем не менее, миф, несущий идеи калокагатии, всегда направлен на воспитание и привитие чувств красоты, добра, правды, справедливости.

Содержание мифа изначально носит моральный характер, создавая свой круг приоритетов и принципов. В мифах и связанных с ними ритуалах наглядно иллюстрируется игровая ситуация вечной борьбы-соревнования сил добра и зла, при этом окончательно дух зла никогда не побежден. Скорее всего, это связано с тем, что уже с самого начала мира существует равновесие, благодаря периодичности победы и поражения в отдельных фазах борьбы.

В мифе идея богов (бога) получает свою подлинную силу посредством калокагатии. Сам бог выступает эталоном красоты и нравственного поведения. Еще Платон в своем диалоге «Теэтет» писал: «Среди богов зло не укоренилось, а смертную природу и этот мир посещает оно по необходимости. Потому-то и следует как можно скорее убежать отсюда туда. Бегство - это посильное уподобление богу, а уподобиться богу - значит стать разумно справедливым и разумно благочестивым» [5, с. 270]. Как говорил Лейбниц, всякое индивидуальное бытие есть «след бога». Исходя из этого, в мифах строится гармоничная картина мира, где все пронизано бытием бога и принципом взаимного соответствия: «каждая монада сама по себе представляет собой нечто вполне самостоятельное и законченное - однако именно в этом своеобразии и законченности она является живым «зеркалом универсума», который она отражает соответственно своей особой точке зрения» [3, с. 265].

В любом жертвоприношении, связанном с мифом, обнаруживает себя этико-эстетический момент. Всякая жертва при подношении эстетически оформляется и содержит в себе моральное ограничение чувственного вожделения, лишение, добровольно налагаемое «Я» на самого себя. Благодаря этому жертва наделяется особой духовной силой, а «Я» обретает внутреннюю гармонию. Всякому важному предприятию (военный поход, охота, рыбалка и другое) должно предшествовать воздержание в следовании определенным природным побуждениям, аскетические предосторожности, многодневный пост, бессонные бдения. Любое решающее изменение в физически-духовной жизни человека, всякий «кризис» также требуют подобных мер защиты. Здесь начинает проявлять свое действие этическая сила, противостоящая мнимому всевластию «Я»: она задает первые границы «Я» и тем самым начинает придавать ему определенную «форму». Самость человека находит и утверждает себя, проецируя вовне: растущая самостоятельность богов оказывается условием того, что человек открывает в себе, вопреки растекающемуся многообразию отдельных чувственных побуждений, центральную точку опоры, единство желания.

Сегодня этико-эстетическая проблематика особенно актуальна в связи с непрекращающимся мифотворчеством. Современный миф выступает как эстетическая форма (порою даже гиперэстетическая, если вспомнить миф о гламуре) самовыражения, мышления, жизни, обладающая не только убедительной, но и объясняющей силой, придающей смысл всему остальному. Современность активно использует мифотворчество, с помощью которого формируется мировоззрение, происходит становление личности, ввиду этого создателям мифов - имиджмейкерам, корреспондентам, репортёрам, авторам материалов СМИ, политическим технологиям всегда необходимо помнить о моральных границах дозволенного. Именно этический компонент должен стать ограничительным моментом в тотальном производстве мифов и их потреблении.

Современность возродила культ героя и активно поддерживает его в сознании масс. Мифологического героя можно представить как духовное аксиологическое (этико-эстетическое) начало в человеке благодаря его способностям познавать, испытывать, преобразовывать, преодолевать препятствия и выходить победителем в конфликтах, любить и даже приносить себя в жертву. Герой, совершая подвиги и решая проблемы, тем самым отстаивает (восстанавливает, создает) какой-то порядок, который ассоциируется с понятиями гармонии, красоты, порядка, справедливости в природе, обществе и самом человеке.

По мнению Д. Нормана, когда мы смотрим на изображение св. Георгия, убивающего дракона, мы видим не абстракцию и не реальный исторический персонаж, а символ победы над злом. Этот аспект является привлекательным для людей, поскольку дарит им надежду на возможность преодоления зла и несправедливости в жизни. Победа над любым разрушением есть постоянно обновляющийся процесс, символизирующий процессы изменения и становления. Герой выступает как калокагатийный идеал, олицетворяющий способность пережить невзгоды благодаря силе духа и умению противостоять неизбежным испытаниям.

Заметим, герои, наделенные умом, смелостью, силой и отвагой, не всегда представляют собой образец благородства. Существуют и мифологические персонажи, совершившие различные неблагоприятные поступки и даже преступления. Но так как герой трактуется как образец для подражания, то в этом некоторым людям видится оправдание своих кровавых и грязных дел. Подобное оправдание личного преступного поведения посредством ссылок на мифологических персонажей встречается у некоторых национальных героев. Сегодня все чаще в основе механизма мифологизации современной культуры лежат подтасовки, извращения фактов, событий, документов. В связи с этим устанавливаются ложные репутации, непростительно искажаются образы: возносятся на пьедестал почета имена предателей, трусов; принимаются личностные качества и деяния истинно значимых людей. Так, в России периодически меняются симпатии и антипатии к деятелям истории, особенно времен революций, войн, социалистического периода и даже перестройки. Так, благодаря мифам и основанным на них политическим технологиям коренным образом в массовом сознании изменились представления о таких людях, как Николай II, В. И. Ленин, И. В. Сталин, Н. С. Хрущев, М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин и другие.

На основе проведенного анализа можно утверждать: миф гибок, вездесущ и вечен. Он вариателен и способен к трансформациям, вписываясь в контекст любой эпохи. Как подобное можно объяснить? В мифе как первой культурно-символической форме были заложены ключевые аксиологические доминанты человеческого бытия, проявляющие себя вплоть до сегодняшнего дня. Среди них наиболее значимо выступает установка на калокагатию, совмещающая в себе нераздельное единство морально-эстетических ценностей, гармоническое переплетение красоты и блага. Миф, его структура и содержание, образы богов и героев пронизаны этико-эстетическим компонентом. Несмотря на то, что термин появился в античности и идея калокагатии стала активно внедряться в античной культуре, тем не менее, уже в первобытности на бессознательном уровне, как «зачатки врожденных идей и голос крови», можно обнаружить ее проявление. Впоследствии, создавая мифы, каждая эпоха реализовывала через них собственные требования красоты и этики.

Помимо этого, в калокагатийной установке мифа этическое и эстетическое оказываются тесно переплетенными между собой, играя своими значениями и смыслами так, что их невозможно разъединить. В связи с этим миф необходимо рассматривать одновременно с этико-эстетических позиций, что игнорировали или не замечали многие исследователи.

Сущностным ограничением тотального распространения мифа в мире людей является мораль. Именно наличие моральных границ должно сдерживать беспредельное эксплуатирование мифотворчества во всех сферах человеческой культуры. Центральным элементом функционирования мифа выступает наличие аксиологических, этико-эстетических (калокагатийных) установок, святынь данного общества, эпохи, которые ни в коем случае не должны преследовать узкоэгоистические цели самих мифотворцев, а должны соотноситься с общечеловеческими ценностями, такими как добро, любовь, красота, гармония, справедливость, правда и т.п.

Сегодня, используя мифотворчество, необходимо вспомнить И. Канта, который писал о прямой зависимости эстетического и этического компонентов (здесь мы опять в неявно выраженном виде встречаем идею калокагатии). Он считал, что красота всегда связана с целью существования предмета, а цель в свою очередь обусловлена категорией этического. Всем артефактам культуры, в том числе и мифу, придавалась эстетическая форма и содержание, несущее в себе этический компонент. Только в единстве этического и эстетического можно говорить о цельности и совершенстве любой культуры, ее артефактов и процессов, личностных проявлений, что позволяет на новом витке, с учетом калокагатийной установки, проводить исследования в различных областях социально-гуманитарного познания, выявлять закономерности исторического развития и, возможно, прогнозировать будущее. Также калокагатийная установка в условиях современности может помочь в решении различных проблем, в том числе разрешения кризиса личности и оздоровления общества.

Список литературы

1. Гегель Г. Ф. *Философия духа* // Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 339.
2. Ильин В. В. *Аксиология*. М., 2005.
3. Кассирер Э. *Философия символических форм*. СПб., 2002. Т. 2. С. 265.
4. Лосев А. Ф. *История античной эстетики*: в 8-ми т. М., 1992. Т. 8.
5. Платон. *Сочинения*. М., 1970. Т. 2. С. 270.
6. Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. СПб., 1911. С. 53.
7. Розов Н. С. *Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии*. Новосибирск, 1998.
8. Хейзинга Й. *Homo ludens* (человек играющий). М., 2001.
9. Элиаде М. *Очерки сравнительного религиоведения*. М., 1999.

TO THE PROBLEM OF KALOKAGATHOS SET IN MYTH MAKING

Elena Lyudvigovna Yakovleva, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Department of Philosophy
Institute of Economics, Management and Law in Kazan'
mifoigra@mail.ru

The article reveals the problem of kalokagathos set in mythical creativity connected with beauty and good manifestation. Myth is considered from the point of view of its structural-sense specificity in three directions - as the form of thought, contemplation and life. Besides ethical component is specially distinguished which acquires more and more topicality in modernity.

Key words and phrases: kalokagathos; beauty; good; value; morality; kalokagathos set; ethical-aesthetical; myth; model; totemism; sacral; profane; manna; hero-worship.

УДК 94(470.332)“1919”

В статье на основе архивных материалов проанализировано состояние коллективного землепользования на территории Смоленской губернии в 1919 году. Автором на примере ряда уездов губернии рассматривается аграрная политика большевиков по внедрению коллективного хозяйствования на селе и делается вывод о том, что ни одно такое хозяйство в данный период не стало рентабельным.

Ключевые слова и фразы: коммуна; трудовая сельскохозяйственная артель; коллективное хозяйство; «племенной рассадник»; аграрная политика; коллективизация.

Павел Александрович Якушев, к.и.н.

Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Московский государственный индустриальный университет, филиал в г. Вязьме

Yakusheff.pavel@yandex.ru

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 ГОДУ[©]

«Коммунизация» сельского хозяйства являлась главной целью аграрной политики большевиков в годы «военного коммунизма», в связи с чем организации коммун и артелей новая власть придавала огромное значение и потому оказывала им масштабную поддержку.

Весна 1919 года была отмечена созданием в Вяземском и Смоленском уездах первых в губернии уездных союзов коллективных хозяйств, причём эти союзы создавались без участия губернского центра. С этого же времени на Смоленщине начинают создаваться и волостные Союзы коллективных хозяйств. Стремление руководства губернии упорядочить работу данных Союзов и способствовать их дальнейшему развитию вылилось в созыв (май 1919 года) Первого губернского съезда союза коллективных хозяйств, на котором